

ГОВАРД НЕМЕРОВ

С английского *

День на Биг-Бранч

Полупьяные, после ночи за картами,
Когда хмурый рассвет застал нас врасплох
Над тузами и дамами, мы отправились
(Те, кто выиграл и кто проиграл)
На север, к реке в горах, о которой
Знал один из нас, — с намерением
Кончить проигрывать и выигрывать
При помощи испытанного общения
С девственной глухоманью. Мы взяли
С собой лишь хлеб и библейский сыр,
Курево купили в местной лавчонке, —
Запьем все это речной водой
И — отдадимся воспоминаньям
Или беспамятству!.. Хотя мы в это
Почти не верили, но нечто похожее
Гудело в усталых висках и сердцах,
Когда мы карабкались по речным
Уступам. На место прибыли в полдень.

Как и было обещано, это местечко
Было чудом с гранитными стенами
Вокруг плоских известняковых ступеней
И округлостей лавы. Вода струила
Желто-зеленые блики на плиты
Замшелой запруды, хрустальной пеной
Стекала в заводь, где отсвет воды
Дышал на уступах, склоненных к солнцу.
Большие голубые стрекозы цепляли
Воду крылом и парили против
Ветра, струящегося над потоком,
Роняли искры с прозрачных крыльев.
Все было дивно, хотя природа
Гранитными стенами и чешуйчатыми
Скамьями напоминала зал
Ожидания в окаменелом вокзале.
Но мы, опустошенные покером,
Поверили в этот рай — и те,
Кто выиграл и кто проиграл, разделись,

---

* ГОВАРД НЕМЕРОВ — Стихи (*Перевод с английского П. Грушко, И. Левидовой*) // *Современная американская поэзия* (М.: Прогресс, 1975), 226–232.
Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2008.
<http://imwerden.de>

Купались, сушились на скалах, лоя
Воздух ртом, как форель, и пьянели,
Глотнув воды, курили — и ждали
Откровения от природы, как будто
Это камни Мемнона: через мгновенье
Передвинется свет — и они запоют!..

Тишина (а даже вода здесь пела
Беззвучно) была весомой, и были
Весомы слова, но все застоялось,
Гора не могла родить и мышонка,
И все эти скалы не были скалами
Чистилища, склонами Геликона,
Отполированными стопами муз,
А просто американскими скалами,
На которых наши кости трещали
И плоть сушилась с одной стороны
И коченела с другой, и каждый
Завидовал первобытному миру
И думал о том, как опустошен
Цивилизацией, как вынужден пить,
Курить, подчиняясь ночь напролет
Воле случайных карт, покамест
Не обессилеет, как форель на мели,
И не видит толка в ученье Жан-Жака
Руссо, и не может себе позволить
Первобытности, хороша она или плоха,
И не станет больше листать истертых
Страниц, которые запечатлели
Пейзажи Уолдена...

И, однако,
Ветер, солнечный свет и вода
Как-то подействовали (и стрекозы!)
На наши мозги, где перемешались
Телефоны и масти, на наши тела,
Испарявшие виски с одной стороны
И дрожавшие с другой. А утесы
И старые камни, образовавшие
Гигантские ступени потока,
Наводили нас на чистые мысли
О смирении, терпении и о терпимости
К тому, что терпим (будь то выигрыш,
Проигрыш или полное разоренье),
О выживании в любую погоду,
Как ни ломают тебя, ни дробят
Неотвратимые струи потока.
И разве этот поток, эти скалы
Способствуют нашему очищению:
Да если бы камни Мемнона были
Из мыла — разве душу отмоешь?

Чуть позже вспомнили о войне,
О том, что было тогда — как просто
Мы могли утонуть, сгореть или быть
Убитыми, сколько мы знали людей,
Утонувших, сгоревших или убитых,
И не лучше ли было бы умереть
На мирной старой войне, молодыми...
Но первозданный покой утесов
И текучее спокойствие вод —
Эти ребра и кровь земли,
На которых покоятся все сюжеты, —
Настроили на поэтический лад,
Когда так и тянет на откровенность,
И тут же один сказал: «До смерти
Буду резаться в карты», другой:
«Виски содержит все витамины
И соли для поддержания жизни»,
А третий: «Буду курить, покуда
Душа не исцелится от тела».

Спускаясь вниз по течению к дому,
К жизни, покинутой нами на день,
Мы увидели то, что не видели раньше:
Три запруды — они не могли удержать
Поток, обтекавший мощные балки:
Он ворочал камни, таранил доски,
Вернув в своем безучастном гнев
Массивную кладку в лоно природы.
Эта картина нас отрезвила,
И мы молчали весь долгий путь
Домой и после — пока не настало
Самое время садиться за карты.

Вторые рамы

Пришла пора вставлять вторые рамы,
С утра все вышли из домов, но дождь
Загнал людей под крышу. Возвращаясь,
Я вижу рамы на земле, с водой
По переплет, — сквозь воду и стекло
Видна примятая трава, как будто
Струятся водоросли в час отлива
Или хлеба расчесывает ветер.
Рябь и дождевики на слепом стекле,
Казалось, говорили мне о чем-то,
Что я поведал бы и вам (сухая
Трава пригнулась под стеклом, залитым
По самый край дрожащею водой) —
О властной, о студенной чистоте,
Которая бездумно отражает
Тоскливый день несбывшихся желаний,
А дождь холодный льет в необозримом
Пространстве памяти, шуршит, струится
На рамы, через край перетекает...

Вид из чердачного окна

В высокий переплет безлиственных ветвей,
О городские ударяясь крыши,
Снежинок рой спускается, неслышим.

Я вижу из чердачного окна:
Дерева в кружевах, качаясь полусонно, —
Хранители древнейших родословных,
Аристократы от корней до крон —
Плечом к плечу, смыкаясь в плотный ряд,
Неслыханный встречают снегопад.

Все воскресенье с самого утра,
С достоинством, без вихрей и метелей
Снежинки с неба стылого летели.

И вот на всем бесформенный покров,
И толстой паутиной оплетен
Огромных сосен величавый сон.

На чердаке, среди разного старья,
Где унаследованный дремлет лом,
Я вдруг заплакал и уснул потом.

Проснувшись, я увидел: тот же снег
Летит неслышно между тьмой и тьмой
И желтые огни на улице ночной.

Я плакал оттого, что жизнь мила и безнадежна,
И, как ребенок, я от слез уснул.
Стал кораблем наш дом, и под кормой мятежно
Бурлящих вод прокатывался гул.
Корабль шел сквозь кряжи многих лет —
Вот в чем, наверно, слез моих секрет.

Внизу, в подвале, лезут вон из кожи
Движок, насос, котел — в работе день за днем
Для жизни, что струится в узком ложе
Между подвалом тем и чердаком,
Где склад тростей и шляп, знакомых с детства,
Запчасти призраков, богатое наследство...

Портреты женщин, убранные в угол,
В трухлявом сундуке их свадебный наряд,
Средь погремушек, старых книг и кукол
Одежды безголовые висят,
Покачиваясь пьяно от шагов,
Все это видишь без дальнейших слов...

Но думал нынче я, и слезы полились
О том, что в двух мирах мы обитаем:
Деревьев мощных, возносящих ввысь
Терпение. Союз ветвей сплетая,
Нас учат стойкости они. А мир другой —
Вот этот снег, плывущий пеленой.

Вот этот хаос, хлынувший на нас
Без счета, как песок во всех морях,
Как все, кто умер и умрет в свой час,
Как звезды на небе, как листья на ветвях,
Как Авраамов, по завету, род.
Сменялись поколения, и вот
Я в башне дней моих, среди руин былого
У этого окна оплакал поутру
Войну и мор, убийство, суд суровый
И то, что все умрут и я, как все, умру.

Снег шел и шел. Стоял деревьев караул,
И, как ребенок, я от слез уснул.

Любители достопримечательностей

Их свору в глубь столетий
уводят переулки.
Чернеющим наростом
на их груди шкатулки,
где серебром и чернью,
как вязь на талисмানে,
загадочные цифры
и тайное писанье,
которое подскажет
все сведенья о свете...
Упрятанные в кожу,
приспособленья эти
выискивают всюду
диковинные виды:
щелк — Ватикан в коробке,
щелк — Сфинкс и пирамиды,
щелк — и чернеют ноздри
Отцов на косогоре.
И снова — щелк!

И все же
шумливой этой своре
хотелось бы очнуться
и убежать на волю,
где яркий свет кочует
по утреннему полю,
где луч слепит алмазом
в стрекозьей перепонке
и солнце исчезает
в иссиня-черной пленке
пруда.

Но их желаньям
не так-то просто сбыться,
желаньям их мешает
нагрудная вещица,
где воля Темной Силы
их держит в подчиненьи
и разум подавляет:
уже они, как тени,
которые навечно
уплощены в коробке,
почти не матерьяльны,
расплывчаты и робки...

Об авторах

НЕМЕРОВ, ГОВАРД (NEMEROV, HOWARD) — поэт, романист, критик. Род. в 1920 г. в Нью-Йорке, в 1941 г. окончил Гарвардский университет. В годы войны служил в авиачастях США, приданных Канадским ВВС. После демобилизации преподавал в ряде колледжей; консультант по поэзии Библиотеки Конгресса в 1963—1964 гг. С 1969 г. — профессор английской литературы в Вашингтонском университете (Сент-Луис). Среди книг стихов Г. Немерова — «Образ и закон» (“*The Image and the Law*”, 1947), «Путеводитель по руинам» (“*Guide to the Ruins*”, 1950), «Зеркала и окна» (“*Mirrors and Windows*”, 1958), «Голубые ласточки» (“*The Blue Swallows*”, 1967), «Зимняя молния» (“*The Winter Lightning*”, 1968). Г. Немеровым написаны также четыре романа, один из них, «Игра на своем поле» (“*The Homecoming Game*”, 1957), вышел в русском переводе.

Содержание

День на Биг-Бранч. <i>Перевод П. Грушко</i>	226
Вторые рамы. <i>Перевод П. Грушко</i>	229
Вид из чердачного окна. <i>Перевод И. Левидовой</i>	229
Любители достопримечательностей. <i>Перевод П. Грушко</i>	231